

тельство Черчилля отбивается от него руками и ногами. (...) Вне всякого сомнения, Черчилль выйдет из этих дебатов вполне невредимым. Англия слишком слаба, чтобы в нынешней ситуации позволить себе правительственный кризис со столь далеко идущими последствиями. Она шла на дело вместе со своими подельщиками, она повязана с ними и будет повешена заодно с ними. Она вступила на путь, ведущий вниз. (...) Критика принятых в Ялте решений идет главным образом от тори. Группа консерваторов, принадлежащих к более узкому кругу парламентариев, уже давно занимается тем, чтобы либо вернуть Черчилля на путь истинный, либо свалить его. В этих кругах говорят «Польша», а подразумевают «Германия». Но эта оппозиция в данный момент не имеет для нас существенного значения. (...)

Из американских источников мы узнаём: Петэн уже в ноябре 1940 г. заключил с Англией тайный договор о том, что Франция в благоприятный момент снова вступит в войну против Германии. Этот договор был заключен за спиной Лаваля. Я считаю вполне возможным, что Петэн обвел нас вокруг пальца, а Лаваль, вероятно, тоже знал об этом. (...)

В Румынии продолжается борьба вокруг кабинета Радеску. Большевики, кажется, имеют намерение сделать там *tabula rasa*. Они требуют ухода Радеску в отставку и создания, как они говорят, демократического народного правительства, иными словами, большевистских Советов. Известный большевистский массовый убийца Вышинский прибыл сейчас в Бухарест. Он наверняка проделает всю эту работу.

Большевистским зверствам на нашей земле теперь несть числа. Они — отвратительные явления реальной политики и по жестокости своей не могут быть превзойдены ничем. Я намерен ознакомить с сообщениями об этих зверствах международную общественность. На очередном приеме для прессы я предам гласности имеющийся у генерал-полковника Гудериана текст приказа маршала Жукова советским войскам перед наступлением с Сандомирского плацдарма. Ведь этот приказ в известной степени указал направление большевистским зверствам. Хотя я и не предполагаю, что это окажет непосредственное политическое воздействие, все же в перспективе эффект возымеет.

В середине дня я долго беседовал с генералом Власовым. Генерал Власов — весьма интеллигентный человек и энергичный русский военачальник, производящий очень солидное впечатление. Сначала мы говорили об отношениях между русским и немецким народом в общем плане. Он считает, что Россия может быть спасена, только если вместо большевистской идеологии создаст себе такую, какую немецкий народ имеет в виде национал-социализма. Он характеризует Сталина как чрезвычайно хитрого человека с поистине иезуитской натурой, ни одному слову которого верить нельзя. До начала войны большевизм имел в русском народе относительно мало сознательных и фанатичных приверженцев. Но Ста-

лину удалось во время нашего продвижения в советские области превратить войну против нас в священное отечественное дело, что имело решающее значение. Власов рисует положение в Москве в те дни, когда поздней осенью 1941 г. ей грозило окружение. Все советское руководство потеряло самообладание. Сталин был единственным, кто настаивал на сопротивлении, хотя и сам тоже был удручен. Ситуация была примерно такой же, как у нас в данный момент. Ведь и фюрер провозглашает сопротивление любой ценой и увлекает всех за собой.

Беседа с генералом Власовым подействовала на меня весьма ободряюще. Я узнал, что Советскому Союзу пришлось пройти через точно такие же кризисы, какие предстоит преодолеть нам, и что и из этих кризисов есть выход, если полны решимости не сгибаться.

Затем мы совместно обсуждали методику нашей пропаганды против большевизма. Власов подчеркивает — и, по-моему, справедливо, — что большевизм ведет исключительно ловкую и опасную пропаганду. Пропаганда — вообще самая сильная сторона его политического воздействия. Вот чем объясняется то, что германская пропаганда подвергается большевистским режимом наиболее яростным атакам. Я, по его словам, единственный после фюрера, против кого большевистская общественность направляет самую острую и заушательскую критику. Наша пропаганда, обращенная к народам России, должна — и в этом я согласен с Власовым — идти примерно по тому пути, который он наметил в своей известной прокламации. В нашей восточной политике мы достигли весьма многое, если бы еще в 1941 и 1942 гг. руководствовались теми принципами, которые отстаивает в ней Власов. Наши упоминания в этом отношении можно наверстать лишь с большим трудом.

Я уже подчеркивал, что Власов кажется мне выдающейся личностью. Его знание большевистской идеологии и практики может оказаться для нас очень ценным. (...) На следующей неделе я снова приму генерала Власова, чтобы обсудить с ним некоторые практические вопросы нашей пропаганды.

Интересны высказывания Власова насчет внутренней жизни большевистской иерархии. Практически Stalin правит с диктаторскими полномочиями. Он пытается использовать в своих интересах евреев, а евреи — его. Ни одному данному Stalin слову нельзя доверять никоим образом. Stalin — в высшей степени продувной и хитрый крестьянин, для которого цель оправдывает средства. Насколько жалким в сравнении с ним, к примеру, выглядит дуче, который сейчас в своих газетах заявляет, что фашизм намерен вернуться к двухпартийной системе. Это — новая причуда совершенно выбившегося из колеи фашистского интеллектуала, который в данной стадии войны ко всему прочему намерен еще и распрощаться со своими собственными принципами.

Обсуждая в берлинском Совете обороны вопросы обороны столицы рейха, я не могу не опереться на рассказанное мне генера-

лом Власовым. Генерал фон Хауэншильд получает большинство своих контингентов из самого Берлина — из военных училищ и офицерских школ. Поэтому ему повсюду не хватает солдат. Таким образом, мы вынуждены призвать вторую очередь фольксштурма (народное ополчение. — Сост.), а также, предположительно, перейти к формированию женских батальонов. Я даже вношу предложение перевести из тюрем и концентрационных лагерей уголовников с небольшими сроками заключения в специальные подразделения, находящиеся под очень жестким командованием. Как сообщил мне генерал Власов, в свое время эта мера исключительно хорошо зарекомендовала себя при обороне Москвы. Тогда Сталин спросил его, готов ли он сформировать дивизию из бывших заключенных при условии, что за храброе поведение им будет гарантирована амнистия. Дивизия штрафников дралась превосходно. Почему же нам в нынешнем бедственном положении не сделать то же самое?

Сегодня целый день опять тяжелейшие авиационные налеты на западные области рейха. Их даже невозможно перечислить. Против этого буйствования вражеской авиации мы совершенно беззащитны. (...)

Восстановление моральной силы наших войск приобрело теперь решающее значение.

В 7 часов вечера по радио передается моя речь. Слушаю ее еще раз. Содержание и стиль отличны, и я ожидаю, что она все-таки подействует на радиослушателей, хотя я и не был в состоянии преподнести им в качестве наилучших аргументов политические успехи. Но ведь народ сегодня довolen уже тем, что с ним хоть час кто-то поговорил по-хорошему.

В вечерней сводке сообщается, что на Западе нашим войскам снова удалось остановить англо-американское продвижение. Они, хотя и с большими усилиями, в течение всего дня удерживали свои позиции. (...)

На Востоке враг тоже не продвинулся в Восточной Померании. Мы ударили с обеих сторон по его передовым отрядам, и им пришлось остановиться, чтобы не оказаться отрезанными от своих тылов. Есть надежда, что довольно критическое положение здесь будет ликвидировано. Однако сильные атаки противника в полосе всей группы армий «Висла», слава Богу, отбиты. (...) Бои в Бреслау медленно приближаются к центру города и отличаются большой ожесточенностью. (...)

2 марта 1945 г. Пятница.

Вчера. Военное положение: на Восточном фронте: центр тяжести находился в Восточной Пруссии, где Советы снова безуспешно наступали крупными силами. (...) В Померании Советы крупными силами наступали на север. (...) В Курляндии боевые действия пошли на убыль. (...) Крупное наступление американцев между Ахеном и Кёльнем достигло кульмиационной точки. (...) На Вос-